

УДК [398 : 82.0] (470.621)

ББК 82.3 (2=Ады)

У 58

Унарокова Р.Б.

Доктор филологических наук, профессор кафедры истории и культуры адыгов Адыгейского государственного университета, e-mail: raya_unarokova@bk.ru

Паштова М.М.

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, e-mail: gupsa@mail.ru

Хакунова Э.Х.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра адыговедения НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета, e-mail: khakunchik@mail.ru

Мифо-эпическая традиция в фольклоре черкесов Турции

(Рецензирована)

Аннотация:

На полевых материалах авторов рассматриваются формы бытования мифо-эпических текстов в фольклоре черкесской диаспоры Турции. Мифо-эпическая (нартская) традиция – космогония, песни и предания о героях – представлены в фольклоре азиатских черкесов сравнительно небольшим корпусом устных текстов. Однако их особая ценность заключается в отсутствии влияния книжной и медиа- культуры. Целью является, во-первых, объективация оригинальных фольклорных памятников, которые на исторической территории в живом бытовании не сохранились, во-вторых – выявление особенностей их бытования и социально-прагматических функций, обусловленных проживанием вне исторической территории. В названных аспектах мифо-эпические жанры черкесского диаспорного фольклора рассматриваются впервые. Полевые методы: включенное наблюдение и неформализованная беседа-интервью; аудиовизуальная фиксация и записи в дневнике. Методы обработки материалов: сравнительно-типологический, структурно-функциональный, прагматический анализ.

Ключевые слова:

Черкесы, адыги, нарты, эпос, мифология, фольклор диаспоры, текст, версия, вариант.

Unarokova R.B.

Doctor of Philology, Professor of the Department of History and Culture of Adyghes, the Adyghe State University, e-mail: raya_unarokova@bk.ru

Pashtova M.M.

Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Ethnology and Folk Art, the Adyghe Republican Research Institute of the Humanities named after T.M. Kerashev, e-mail: gupsa@mail.ru

Khakunova E.Kh.

Candidate of Philology, Senior Researcher of the Center of Adyghe Cultural Studies at Scientific Research Institute of Complex Problems of Adyghe State University, e-mail: khakunchik@mail.ru

The epic mythological tradition in folklore of the Turkish Circassians

Abstract:

The authors of the paper analyze the forms of epic mythological texts in the folklore of the Circassian diaspora of Turkey using their field recordings. The epic mythological (Nart) tradition (cosmogony, lays and legends of heroes) is represented in the folklore of Anatolia Circassians with comparatively small range of oral texts. However, their special value is destitution of the influence of bookish and media culture. The first aim of the paper is to objectivize the original folklore monuments which were not conserved alive around the historical area. The second one is to outcrop the special features of their being and their social and pragmatic functions conditioned by living outside the historical territory. The epic mythological genres of the Circassian folklore are under view in the said aspects for the first time. The field methods are as follows: the affiliated surveying and informal conversation or interview; audio and video recording and journal notes. The methods of processing the materials include typological comparison, structural, functional and pragmatic analyses.

Keywords:

Circassians, Adyghes, Narts, epos, mythology, diaspora folklore, text, version, variant.

Проблемы сохранности, характер бытования и прагматика функционирования мифо-эпических текстов в фольклоре черкесской диаспоры – неразработанная тема. В адыговедческом исследовательском пространстве время от времени появляются достаточно любопытные факты, к каковым могут быть отнесены опубликованные нами (Р.У.) в 2004 году несколько нартских сюжетов [1]. Данные тексты обнаружены в 1997–1998 гг. во время фольклорно-этнографических экспедиций в Турции на двух достаточно отдаленных друг от друга территориях, в разных локальных фольклорных традициях: в районах городов Кайсери и Чанаккале. Если учесть, что в самой многочисленной черкесской (адыгской) диаспоре Турции, насчитывающей более 3 млн. человек, до этого было зафиксировано лишь небольшое количество нартских сюжетов (можно назвать несколько текстов из семитомника А.М. Гадагатля, записанных в Турции Ж. Дюмезилем от Сеина Тымова, и общественным деятелем Иззетом Айдемиром от Рафика Хидзетля [2]), то научную ценность текстов, о которых идет речь, сложно переоценить.

В книге «Фольклор адыгов Турции»

опубликованы четыре сюжета: один о бое нарта Саусэрыко с неким достойным противником, другой – о Шабатыныко, третий – о малоизвестном герое Кунгуд, приписываемом к нартам, и четвертый сюжет в трех вариантах – о сотворении мира.

Итак, первый нартский сюжет о Саусэрыко исполняется в песенно-прозаической форме, записан на магнитную ленту в Турции в 1972 году от известного хатукайского сказителя Махмуда Чермита (сел. Пэдысый, Кайсери) [1: 90–92]. Пленка долгое время хранилась в его семье и позже была передана нам. В тексте обнаружено несколько любопытных деталей. Сказание записывалось в присутствии нескольких стариков-односельчан (Щангюль Эйгюн, племянница информанта, от которой получена пленка, уточняет имена присутствовавших: Ихсан Анчок, Хасан Шаджебах, Хачух-Ибрагим Теучеж, Исмаил Пшигануок, Яуз Бырс). Повествование начинается с воспоминания о поводе, вызвавшем необходимость исполнения сказания о Саусэрыко. По словам Махмуда Чермита, однажды, в гостях, в присутствии множества людей произошел спор: кто может считать себя настоящим адыгом (черке-

сом). Попеременно назывались шапсуги, хатукайцы, кабардинцы, бжедуги, абадзехи. При этом перечислялись достоинства каждого адыгского колена. В разговор вмешался Махмуд Чермит, заявив: «Тот, кто оспаривает статус настоящего адыга, должен знать четыре вещи: место гибели Хатажуко Колчерукого (герой Кавказской войны. – Р.У.), откуда идет история фамилии, место расположения родного селения на родине, а также имя героя, который подъехав к <воротам> Саусэрыко, <осмелился> крикнуть ему: «Старого пастуха потомок, собачье отродье, выходи!» После такого заявления сказитель переходит к повествованию.

С одной стороны, данная формула («кто есть настоящий адыг?») в версии Махмуда Чермита становится сюжетоорганизующей, с другой – как мы уже отмечали в своих предыдущих работах, «подобные нарративы и диалоги, став предметом специального исследования, могут оказаться источником для выявления не только этнической, но и других видов идентичности, например локально-групповой, социально-расовой, конфессиональной» [3: 157].

Мотив поиска достойного противника является основным в данном сюжете, но он развивается нетрадиционно. Если во всех 42 версиях конфликта двух витязей, как справедливо отмечает А.М. Гутов, инициатива столкновения принадлежит Саусэрыко [4: 14], то в варианте Махмуда Чермита, наоборот, встречи с ним ищет другой витязь, который подъезжает к дому и настойчиво вызывает его. Служанка Сатаней-гуаши пытается соблазнить пришельца (здесь налицо контаминация известного мотива из сказаний о Шабатыныко). Не обнаружив противника дома, по подсказке все той же служанки, пришелец спускается к Харам-горе, находит Саусэрыко, нападает на него, кнутом отбивает мочки ушей героя, разбивает ему голову, лишь после мольбы Саусэрыко о пощаде отпускает его. Затем, по

модели традиционной версии, разворачивается основной конфликт – бой Саусэрыко с противником (Тотрешем).

Следует также отметить, что сказание исполняется на хатукайском диалекте, но в песенной части иногда проскальзывают кабардинизмы. Это говорит о том, что текст, возможно, был усвоен от кабардинского исполнителя. То обстоятельство, что представители двух черкесских субэтнических групп – хатукайцев и кабардинцев – живут по соседству в анклав Узун-Яйла – Кайсери, вполне допускает смешение диалектов.

Как видим, основой версии сказания о Саусэрыко является традиционный мотив поиска достойного противника, но решается он иначе – инициаторы конфликта меняются местами: противник ищет встречи с Саусэрыко. В сюжет достаточно органично вплетаются несвойственные для данного сказания мотивы соблазнения героя, выманивания противника из закрытого, «его» пространства.

Следующий сюжет о нарте Шабатыныко записан от 72-летней Айше Женетль, в бжедугском сел. Гатлукай (район г. Бига–Чанаккале) [1: 92–94]. Обращает на себя внимание ситуация записи данного текста. Согласно традиционной методике сбора полевого материала, мы (Р.У.) с этнографом Мирой Унароковой работали с информантом несколько дней. В один из дней, во время свободной беседы Айше Женетль попросила нас рассказать о себе, о доме, о детях. Мира Унарокова сказала, что у нее есть сын и зовут его Нарт. Услышав это, наша собеседница встрепелась, удивленно переспросила «Нарт?», и сразу начала петь пшинагль о Шабатыныко. Вслед за ним, почти без паузы, Айше Женетль исполнила песнь о Куныуде [1: 95–97]. В двух местах данного текста повторился мотив оказания почестей герою, что встречается в предыдущей песне.

В фольклористическом адыговедении мало что известно о Куныуде. Никто из специалистов не рассматривает его

в качестве эпического героя. Между тем, кроме версии Айше Женетль, на исторической территории зафиксированы еще три текста об этом персонаже, два сюжета опубликованы: один – в семитомнике А.М. Гадагатля в цикле о нарте Ащемезе [2], другой, более полный, под названием «Ещмэзэуко Джанболэт» («Джанбулат – сын Ешмезоуко»), записанный в 1958 году от известного информанта Ахмеда Почешхова – в сборнике историко-героических песен, составленном А.А. Схалыхо [5: 81–84]. Третий текст, тоже записанный от Ахмеда Почешхова в 1959 году, но отличающийся от предыдущего, хранится в архиве Центра адыгovedения АГУ [6]. Во всех сюжетах Куньуд – центральный персонаж. С ним связаны те же мотивы, что обозначены в диаспорном тексте пшинатля о Шабатыныко: встреча с достойным противником, оказание почестей герою. То обстоятельство, что сюжеты об этом герое одновременно зафиксированы и на исторической территории, и в диаспоре, не позволяет игнорировать его.

Отдельного внимания заслуживает также текст, бытующий в анклав Узун-Яйла–Кайсери под несколькими названиями: «Махъсымафэ уэрэд» («Песня [обряд] распития бузы»), «Дунеижьыр щымыг'эмьтцIэмэ...» («Когда этот старый мир еще не заквасился...»). Как видно из названия, мы имеем перед собой эпический текст с фрагментами мифа о первотворении.

Версия этой песни, бытующая на исторической территории, а именно в Кабарде, больше известна под названием «Нартыжь уэрэд» («Песня древних нартов»). Песню называют также «Дзэзылумысыж уэрэд» (букв. 'беззубая песня') или «Лыжь уэрэд» («Стариков песня»). В архиве Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований хранится 23 рукописных варианта текста и 47 его фонозаписей (1949 – 1970-е гг.). Она, как правило, музыкально интонирована, в редких вариантах – это декламационный речита-

тив. «Песня древних нартов» имеет свою особую историю фиксации, публикаций и реконструкций, что может стать предметом отдельного исследования.

В версиях, зафиксированных на исторической территории, текст связан преимущественно с именем Сосруко, например, в V томе «Сборника сведений о кавказских горцах» [7: 50–51] или «Грамматике литературного кабардино-черкесского языка» Н.Ф. Яковлева [8: 367]. В некоторых случаях главным героем упоминается Батраз («Песня о сыне Хымышы» (вариант в исп. Ибрагима Мижаева [9]). Более того, в издании «Нарты. Адыгский героический эпос» 1974 года песня опубликована в цикле нарта Батраза, но в комментариях к одному из текстов говорится, что «нередко эта песня связывается с именем Сосруко» [10: 389]. Упоминается также сын Албеча Тотреш, двоюродный брат и главный противник Сосруко [10: 128–129].

Таким образом, мы имеем как минимум две локальные версии (десятки вариантов) текста мифа о первотворении, одна из которых фиксируется на исторической территории, а вторая – в диаспоре. Обе версии имеют ряд сходных типологических особенностей. Первая, легко узнаваемая особенность – это повествование от первого лица. Герой перечисляет основные вехи сотворения мира и связывает их с этапами своей жизни.

Обозначение исследуемого текста как мифа о первотворении – условное. В мифологии черкесов, которая представляет собой не «книжную» (литературизованную), а «живую» устную традицию, нет конкретного акта творения мира как, например, в иудейской, христианской или исламской традиции. Наш текст представляет собой ретроспективное «свидетельство» сотворения мира, относящееся к некоей давно ушедшей эпохе. И несмотря на то, что тексты о рождении главного героя эпоса мы не можем рассматривать как мифы о первочеловеке, сам Со-

сруко является символической моделью первого человека. В эпическом наследии черкесов имеются определенные мотивы о Сосруко, которые хронологически предшествуют сказаниям о его рождении. М.И. Мижаев пишет в этой связи: «Эти мотивы относятся к эпохе первотворения и содержат глухие отзвуки о первочеловеке, в роли которого выступает Сосруко. В упомянутых фрагментах мифов о сотворении мира, в частности, неба, земли, различных элементов мира (гор, рек и т. д.) присутствуют и мотивы о создании человека, точнее его различных этапах роста – от младенческой поры до мужчины с проседью. Иначе говоря, создание мира и «становление» Сосруко как человека идут как бы параллельно. Это представляет собой, в сущности, два важнейших явления в космогонии – сотворение мира и человека» [11: 44–45].

Названные в приведенной цитате мотивы являются универсальными для всех вариантов текста, как на Кавказе, так и в диаспоре: «Песня древних нартов» привлекает появление элементов мироздания, объектов ландшафта (мир, земля, небо, лес Бештау, гора Бештау, река Индыль – Волга) к определенным вехам в жизни Сосруко – детству, юношеству, зрелости.

Характерный для диаспорных вариантов мотив – упоминание некоего «паучьего князя» (*бэг'ытиц*):

*Щы фыцлэжъри кыызэгустхъынуги,
(Ар) бэг'ыпциым сынимыгъаклуэти –*

Старую черную землю я бы разорвал [и вышел, встал бы],

(Ар) паучий князь меня не пускает.

О пауке как о персонаже космогонических мифов пишет С.А. Токарев [12: 295]. Можно предположить еще одну версию расшифровки этой фольклоремы. Возможно, мы имеем дело с искаженным именем отца Батраза – *Албэкытиц* («князь Альбек»). А.М. Гутов, комментируя вариант текста, записанный им от 85-летнего Махти Кушхабиева в 1982 г., и упоминание в нем имени «Алиджуко-князь»

(*Алыджыкьуэтиц*), предполагает, что «речь, видимо, идет об Алиджуко Шогенукове, одном из верховных князей Кабарды, жившем в XVII в.» [13: 180].

Контекстной особенностью диаспорных вариантов является следующее уточнение: «эта песня – свидетельство древности рода адыге».

Дунеижъыр щымыг'эмыцлэми,

Ай рэу уэрирау уэнаурирэ уэрирау, а-а, уэрирайри...

[Уэрэдыфэр щлэмыту хегъэувэ: «*Мыр адыг'эр зэрыжъыр кылуатэу згуэрэс*»]

Щылгэхэри цызэпцлэгъацлэми,

Бештоужъыр къанзэгу цыхуэдэми,

Индылыжъми цлэхухэр цебакъуэми,

Уафэхэри хык'л'э цаухуэми,

Щылгэхэри мэлк'л'э цаубэми,

Абы цыгъуэ сыжъак'л'эныкьуэтхъут сэ,

Щы фыцлэжъри кыызэгустхъынуги,

[(Ар) бэг'ыпциым сынимыгъаклуэти].

Сэмпалурэ сэ си сэихуэжъыри

Махуейхэми си кхъащхъэдэсэти,

Сэмпалурэ сэ си сэихуэжъыри,

Махуэфлхэми си цхъэрысэнт иг'ы [14] –

Когда [этот] старый мир еще не загустел,
Ай рау орирау уанаурира орирау, а-а, орирайри...

[Поясняет: «Это песня, свидетельствующая, насколько стар адыгский род»]

Когда земля еще только-только загустевала,

Когда Бештау великий был высотой с кочку,

Когда через Индыл люди могли перешагивать,

Когда небо возводили сетями,

Когда землю утаптывали овцами,

Тогда я [уже] был с полуседой бородой,

Старую черную землю я бы разорвал [и вышел, встал бы],

[(Ар) паучий князь меня не пускает –

строка пропущена информантом, присутствует в других вариантах. – М.П.],

Сампаловая [15] моя старая шашка

В плохие времена – мое надгробье,

Сампаловая моя старая шашка

В лучшие времена в моем изголовье стоит.

По одному из преданий, сопровождающих песню, в споре с арабом черкес с помощью песни «*Махъсымафэ уэрэд*» доказал свое первородство, старшинство своего рода. В сказочном эпосе «начало времен» обозначено в сюжете «Кто старше?»: в споре Лисы и Барсука (Лисы и Медведя) упоминается та же клишированная формула «*Когда небо еще не загустело, когда земля еще только-только загустела*». Мотив спора о старшинстве (первородстве) в диаспорном фольклоре и социокультурном дискурсе трансформируется и может принимать вариативные формы, такие как «кто благороднее», «чей язык / чья родовая принадлежность священнее, ближе к богу» и т.п. Так, комментируя вариант вышеприведенного текста, А.А. Ципинов пишет: «В записанном нами в Турции пре-

дании о черкесах-мамлюках, где адыг доказывает арабу-бедуину первородство своего народа, зафиксировано представление адыгов о мироустройстве» [16: 170].

Как показывает материал, именно в иноэтническом окружении песнь о сотворении мира становится инструментом структурирования дискурсивных диалогов «кто старше?». В той мере, в какой мифо-эпические тексты являют собой пример «живой» устной культуры, они неизбежно включены в дискурсивные практики, структурирующие идеологию этнической идентичности. В условиях черкесского диаспорного поля идентификационная функция этих текстов выступает одной из основных. Это объясняет высокую сохранность эпического текста в ассимиляционных условиях, обеспечивает его межпоколенную трансмиссию.

Примечания:

1. Фольклор адыгов Турции = Тыркуем ис адыгэхэр. *Юрыуатэр / сост. Р.Б. Унарокова*. Майкоп, 2004. 580 с.
2. Нарты = Нартхэр. Адыгэ эпос / сост. А.М. Гадагатль. Т. I–VII. Майкоп, 1968-1971.
3. Паштова М.М. Кавказская война в «классических» формах фольклора и современном социокультурном дискурсе черкесской диаспоры // Кавказская война: события, факты, уроки (к 150-летию окончания): материалы конф. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 155-165.
4. Гутов А.М. Адыгский эпос и его эволюция // Нарты. Т. I. Адыгский эпос. Ранние циклы эпоса. Сосуко. Нальчик: Тетраграф, 2012. С. 8-58.
5. Немеркнушие звезды = МыкIосэрэ жьуагьохэр: сб. историко-героических песен / сост. А.А. Схалыхо. Майкоп, 1994. 334 с.
6. Архив Центра Адыговедения НИИ Комплексных проблем Адыгейского государственного университета (ЦА АГУ). Песнь о Куныуде = Кьунууд ипщыналъ. Инф. Айше Женетль. Д. № 30.
7. Сборник сведений о кавказских горцах. Т. V. Тифлис, 1871.
8. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948. 372 с.
9. Архив КБИГИ. Фонд нартского эпоса. Д. № 80.
10. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974. 415 с.
11. Мижаев М.И., Паштова М.М. Энциклопедия черкесской мифологии = Адыгэ мифологием и энциклопедие. Майкоп: Паштов З.В., 2012. 460 с.
12. Топоров В.Н. Паук // Мифы народов мира: энциклопедия. Т. II / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. С. 295.
13. Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука, 1993. 204 с.
14. Архив Паштовой М.М. Инф. Закий Тлигур, 84 г., сел. Тлигурхабле–Пинарбаши

(Узун-Яйла). Зап. в Анкаре, 03.09.2009 г. Полевая видеозапись. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_H0j9y16Pq0&feature=youtu.be

15. Точное значение слова в тексте установить не удалось. Возможно от «*сэмпальэ*» (‘ножны’) или от «*сэмпал*» (‘шомпол’).
16. Ципинов А.А. Фольклор зарубежных адыгов // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000. С. 167-200.

References:

1. Folklore of Turkish Adyghes / comp. by R.B. Unarokova. Maikop, 2004. 580 pp.
2. The Narts. Adyghe epic / comp. by A.M. Gadagatl. Vol. I-VII. Maikop, 1968-1971.
3. Pashtova M.M. Caucasian War in the «classical» forms of folklore and contemporary socio-cultural discourse of the Circassian diaspora // Caucasian War: events, facts and lessons (on the 150th anniversary of the end): Materials of the conf. Nalchik: KBIGI RAS Publishing Department, 2014. P. 155-165.
4. Gutov A.M. Adyghe epic and its evolution // The Narts. Vol. I. Adyghe epic. Early cycles of the epic. Sosruko. Nalchik: Tetragraph, 2012. P. 8-58.
5. Undying stars: coll. of historical and heroic songs / comp. by A.A. Skhalyakho. Maikop, 1994. 334 pp.
6. Archives of the Center of Adyghe Studies of the Institute for Complex Problems of Adyghe State University (ASU CA). Song about Kunyud. Inf. by Ayshe Zhenetl. D. No.30.
7. Collection of information about the Caucasian highlanders. Vol. V. Tiflis 1871.
8. Yakovlev N.F. Grammar of the literary Kabardian-Circassian language. M.; L., 1948. 372 pp.
9. KBIGI Archive. Fund of the Nart epic. D. No. 80.
10. The Narts. Adyghe heroic epic. M.: Nauka, 1974. 415 pp.
11. Mizhaev M.I., Pashtova M.M. Encyclopedia of Circassian mythology (in Circassian lang.). Maikop: Pashtov Z.V., 2012. 460 pp.
12. Toporov V.N. A spider // Myths of the World: Encyclopedia. Vol. II / Chief ed. by S.A. Tokarev. M.: Sov. Encyclopedia, 1992, P. 295.
13. Gutov A.M. Poetics and typology of Adyghe Nart epic. M.: Nauka, 1993. 204 pp.
14. Archive of Pashtova M.M. Inf. by Zaky Tligur, 84 years old, the village of Tligurkhable-Pinarbashi (Uzun-Yayla). Recorded in Ankara, 03.09.2009. Field video. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_H0j9y16Pq0&feature=youtu.be
15. The exact meaning of the word in the text was not found. Perhaps it is from ‘sheath’ or ‘ramrod’.
16. Tsipinov A.A. Folklore of foreign Adyghes // Adyghe and Karachai-Balkar foreign diaspora: history and culture. Nalchik, 2000, P. 167-200.